

О ПРИРОДЕ УШЕБТИ

Погребальные статуэтки *ушебти* (*шаубти*, *шабти*) находят в захоронениях древних египтян в очень больших количествах. Нет ни одного собрания египетских памятников, где бы не было десятков или даже сотен этих фигурок.

Естественно, что у египтологов очень давно возник интерес к происхождению этих статуэток и их назначению. Впервые этому вопросу посвятил статью Берч¹. С тех пор прошло сто лет. За это время было написано много специальных статей и монографий², нередко *ушебти* упоминаются также и в работах, посвященных другим вопросам. Но проблема все еще остается нерешенной. Не выяснена даже этимология самого слова *ушебти*. В сравнительно недавно появившемся справочном издании статья об *ушебти* начинается следующей фразой: «*Ушебти* — слово этимологически таинственное, и сами египтяне забыли его значение»³.

Единственное, в чем как будто нет разногласий почти у всех исследователей, — это во взгляде на причину появления *ушебти*. Их происхождение связывают с желанием избавить умершего от выполнения повинностей в загробном царстве. Однако вопрос о характере этих повинностей раскрыт недостаточно⁴.

Разнообразные точки зрения на сущность *ушебти* могут быть сведены к двум основным. Одна была выдвинута еще Берчем (ук. соч.), согласно которому *ушебти* является заместителем покойного, он носит его имя и нередко титулатуру, работает вместо него, когда умершего вызывают на выполнение повинностей в загробном мире; в связи с этим у многих *ушебти* лицо является портретом покойного. Эта концепция, воспринятая и развитая Борхардтом⁵, долгое время была господствующей среди египтологов, которые принимали ее с некоторыми оговорками и дополнениями. Близкой точки зрения придерживался Б. А. Тураев⁶. Существенное дополнение было сделано Гардинером в его статье о статуэтке верховного жреца Птахмеса⁷. Он считает, что *ушебти* — это продукт соединения двух противоположных представлений. С одной стороны, *ушебти* происходят от статуэток слуг, с другой, — они олицетворяют самого покойного. Это соединение в одном представлении двух исключających друг друга понятий внесло из-

¹ S. Birch, On Sepulchral Figures, ZAS, 1864, стр. 89—96; 1865, стр. 103—105.

² L. Speleers, Les figurines funéraires égyptiennes, Bruxelles, 1923; W. M. El. Petrie, Shabti, L., 1935.

³ G. Posener, Dictionnaire de la civilisation égyptienne, P., 1959, стр. 267.

⁴ Единственная работа, в которой этот вопрос освещен очень подробно, — это пока не опубликованная диссертация: О. Д. Берлев, Рабы царя в Египте в эпоху Среднего царства, Л., 1962.

⁵ L. Borhardt, Einiges über die Totenstatuetten, ZAS, 32, 1894, стр. 111—117.

⁶ Б. А. Тураев, Ящики для египетских погребальных статуэток, называемых «ушебти», «Древности», XXV, М., 1914, стр. 1 слл.

⁷ ZAS, 43, 1906, стр. 55 слл.

вестную путаницу во взгляды на *ушебти* у самих древних египтян: в одних случаях в надписях на *ушебти* мы встречаемся иногда с термином *hm*, который означает слугу-раба, в других — *ушебти* носит имя и титулы покойного, сами фигурки нередко изображены в одежде живых знатных людей. Особенно показательна в этом отношении статуя верховного жреца Птахмеса, выполняющего тяжелую работу, — он размалывает зерно. Надпись на статuae обычная — текст 6 главы Книги мертвых.

Эта концепция Гардинера была в целом принята большинством египтологов⁸, лишь иногда вносящими свои несущественные дополнения. Среди них был и советский исследователь Н. А. Шолпо⁹.

С возражениями выступил И. М. Лурье¹⁰, который считал, что *ушебти* являются рабами умершего. Портретное сходство *ушебти* с покойным, а также изображение их в одежде знатных лиц он объяснял желанием «обмануть богов»¹¹. Свою точку зрения Лурье аргументировал текстом 166 главы Книги мертвых, «Указом Амона в пользу Несихонсу» и надписями на *ушебти* Эрмитажа № 893, Бруклинского музея № 285 и Берлинского № 10814. В этих источниках *ушебти* действительно названы *hm*, и это как будто бы подтверждает, что египтяне рассматривали их как рабов. Однако И. М. Лурье не опроверг того предположения Черны, согласно которому *ушебти* называли *hm* «раб» только потому, что статуэтки *ушебти* покупали так же, как покупали рабов¹². И хотя, по мнению Черны, сам термин *hm* еще недостаточно исследован, он считает возможным перевести его здесь как «раб», так как плата владельцу за раба в одном случае и плата мастеру за изготовление *ушебти* в другом — одинаково дают право на их труд¹³. Однако термин *hm* встречается на *ушебти* очень редко — весь материал, привлекаемый Черны и Лурье, относится к XXI—XXII династиям, и надо еще посмотреть, можно ли распространять выводы из этого материала и на время возникновения *ушебти*, т. е. на Среднее и начало Нового царства¹⁴.

Очень важно наблюдение И. М. Лурье, что имя, написанное на *ушебти*, не может быть именем самого *ушебти*, как считают почти все исследователи, но принадлежит умершему, т. е. хозяину *ушебти*, от имени которого произносится заклинание¹⁵.

Однако в анализе важнейшей для него надписи Лурье допустил ошибку. Он считает, что на *ушебти* Эрмитажа № 893 стоит имя раба Тенерптаха, принадлежащего Самуту, который якобы подарил *ушебти* своему господину. В аргументации тезиса Лурье, что *ушебти* являются рабами, эта надпись с именем раба играет очень большую роль, но, как убедительно доказал О. Д. Берлев¹⁶, здесь нет имени Тенерптаха, а сказано:

⁸ Ее разделяют Питри, Черны, Бониз, Спелерс, Джемс, Шпигельберг.

⁹ Н. А. Шолпо, К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых *ушебти*, ВДИ, 1940, № 2, стр. 35 сл.

¹⁰ И. М. Лурье, Эрмитажный папирус 1114 и социальные идеи, воплощенные в «ушебти», ВДИ, 1949, № 4, стр. 123 сл.

¹¹ Это объяснение выглядит несколько наивным, тем более, что портретное сходство *ушебти* с умершим, которое занимает в доказательстве И. М. Лурье видное место, встречается не слишком часто. Эти *ушебти* (большая часть времени XVIII—XIX династий) являются настоящими художественными произведениями, несомненно были выполнены высококвалифицированными скульпторами. Однако таких *ушебти* в коллекциях, даже самом большом собрании насчитывается ничтожный процент от общего количества. Большинство же *ушебти* не имеет ничего общего с портретом покойного.

¹² J. S e r g y, Le caractère des oushebtis d'après les idées de Nouvel Empire, BIFAO, XLI, 1942.

¹³ Джемс, рассматривая указ в пользу Несихонсу, полагает, что речь идет не о покупке рабов, а об оплате мастерам за изготовление *ушебти* (T. G. H. J a m e s, A General Introductory Guide to the Egyptian Collection in the British Museum, L., 1964, стр. 153). Бониз предполагает, что, возможно, в указе Несихонсу речь идет не об изготовлении настоящих *ушебти*, а *ушебти*образной статуэтки — хранителя покойного, которая ставилась у северной стены погребальной камеры и иногда обозначалась с неясной приставкой — *tr-wšbtj* (H. B o n n e t, Reallexicon der ägyptischen Religionsgeschichte, B., 1952, стр. 852).

¹⁴ Черны отмечает, что взгляд на *ушебти*, как на рабов, применим только для периода XXI—XXII династий.

¹⁵ Лурье, ук. соч., стр. 129.

¹⁶ Берлев, ук. соч., стр. 566, прим. 52.

«раб этот крепкий для Птаха Самута». Эпитет *tnr* по отношению к *ушебти* «сильный, крепкий» встречается в 166 главе Книги мертвых. Других же случаев, когда можно было предполагать на *ушебти* второе имя — имя самого ли *ушебти*, дарителя ли, насколько мне известно, не засвидетельствовано ¹⁷.

Таким образом, всех этих данных совершенно недостаточно для того, чтобы заключить о происхождении *ушебти* из представлений о них как о рабах.

Впервые *ушебти* появляются в конце Среднего царства в захоронениях знати ¹⁸. От этого же периода нам известно изречение 472 в Текстах саркофагов ¹⁹, являющееся самой ранней редакцией заклания над *ушебти*, известного в дальнейшем как 6 глава Книги мертвых. Это несомненно указывает на тесную связь между представлением египтян об *ушебти* и погребальными обрядами, совершавшимися в момент захоронения. Поэтому решать проблему сущности *ушебти* невозможно без исследования их места и роли в ритуале погребения.

Одно из исследований М. Э. Матье ²⁰ имеет большое значение для постановки и решения этой проблемы. В этой работе М. Э. Матье, развивая положение о Книге мертвых, как записи погребального ритуала, установила соответствие глав Книги мертвых с отдельными этапами ритуала и теми местами гробницы, в которых жрецы читали при погребении надлежащие главы Книги мертвых. Одна из этих глав, а именно 151, имеет непосредственное отношение к проблеме *ушебти*. Эта глава, как говорит М. Э. Матье ²¹, «представляет собой просто рисунок, изображающий погребальную камеру» со всеми предметами, которые в ней должны находиться согласно ритуалу, а «также лиц, совершающих последние погребальные обряды и исполняющих роль богов Анубиса, Исида, Нефтиды. Между изображениями этих лиц и предметов написаны относящиеся к ним изречения, которые следовало произносить во время обрядов». В докладе М. Э. Матье, посвященном аргументации тезиса «Книга мертвых — погребальный ритуал», она останавливалась только на тех обрядах и изображениях, которые имели существенное значение в системе ее доказательств. Поэтому некоторые детали 151 главы не были ею упомянуты, в частности, она ничего не сказала о нарисованных в 151 главе статуэтках *ушебти* и о тексте 6 главы, написанном рядом с этим изображением. Но для нашего исследования этот факт имеет, конечно, первостепенное значение. Между тем все исследователи, прямо или косвенно рассматривавшие вопрос об *ушебти*, не обращали внимания на 151 главу Книги мертвых, а также не учитывали роли 6 главы в погребальном ритуале ²².

На связь *ушебти* со 151 главой Книги мертвых указывают также встречающиеся на них так называемые необычные надписи. В заметке «К формуле статуэток „ушебти“» ²³ Б. А. Тураев обратил внимание на надписи *ушебти*, принадлежавших Хату, жрецу бога Мина, которые хранятся в ГМИИ ²⁴. На одной из девяти статуэток написана полностью 6 глава Книги мертвых (№ 1623), «остальные восемь имеют краткие надписи, называющие покойного „имаху“ у 4-х гениев и Анубиса...». Но отметив этот факт, Б. А. Тураев не дал ему объяснения и не сопоставил эти надписи с изображением тех же «сыновей Гора» (Хапи, Амсета, Дуамутефа, Кебексенуфа) и Анубиса на рисунке 151 главы.

¹⁷ В частности, среди более чем 2000 *ушебти*, которые изданы в «Catalogue général», нет ни одного с надписью *hm*; все известные мне *ушебти*, имеющие в надписи *hm*, датируются XXI—XXII династиями.

¹⁸ W. G. Northampton, W. Spiegelberg und P. E. Newberry, The Excavations in the Theban Necropolis, L., 1908, стр. 26.

¹⁹ A. de Buck, The Egyptian Coffin Texts, VI, Chicago, 1956.

²⁰ М. Э. Матье, Проблема изучения Книги мертвых, М., 1960 (=Труды XXV МКВ, I).

²¹ Там же, стр. 3.

²² Исключение составляет лишь Спелерс, который констатирует наличие изображения *ушебти* и текста 6 главы в 151 главе Книги мертвых (ук. соч., стр. 74—76), однако он ограничился лишь констатацией этого факта.

²³ Б. А. Тураев, Египтологические заметки, VIII—XI, Пг., 1916, стр. 19.

²⁴ На *ушебти* того же жреца Хати, хранящихся в Каирском музее (48335—48337), тоже написаны имена «сыновей Гора».

Важность такого сопоставления становится еще более очевидной, если учесть, что надписи на *ушебти* жреца Хата не являются исключительной особенностью *ушебти* только этого лица. На *ушебти* ГМИИ № 1565 стоит имя Амсет, на саркофагах *ушебти* *sdm-ḥ* Сенноджема, хранящихся в ГМИИ (№ 1662) и в Каирском музее (№ 48412), на каждом написаны имена четырех «сыновей Гора». Особенно интересно, что на Каирском саркофаге написаны те же тексты, которые относятся к каждому из «сыновей Гора» в 151 главе.

Раскрыть полностью значение этих фактов можно только в ходе специального исследования обрядов, совершавшихся в конце погребального ритуала в той камере, которая изображена в 151 главе. Но и сейчас уже ясно, что возникновение *ушебти* и их назначение теснейшим образом связано с этими обрядами.

Формула заклания *ушебти* появляется впервые в Текстах саркофагов эпохи Среднего царства. Она несомненно совпадает с появлением первых *ушебти* в гробницах этого периода, что отмечают буквально все исследователи, занимавшиеся этим вопросом²⁵.

Изречение ТС 472, сохранившееся на двух саркофагах — саркофаге Сети из Лувра и саркофаге № 30839 Британского музея, включает элементы, которые вошли затем в 6 и 151 главы Книги мертвых, но дают и такой материал, который не только дополняет эти главы, но вместе с тем раскрывает их первоначальный смысл.

«Изречение, чтобы заставить *ушебти* работать для владыки своего в загробном царстве (*hr-ntr*)²⁶. Смотрите на него, вы, боги, духи, покойники, пребывающие на небе и земле. Он овладел силой его, он овладел им..., он овладел телом его, созданным для этого по приказу богов.

Если причислят имя рек этого к работающим в загробном мире, чтобы обходить берега, насыпать поля новые для царя во время его, — „Вот я“, — скажешь ты вместо него всякому посланному, пришедшему к Н этому. Возьмите себе кирки ваши, мотыги ваши, коромысла ваши, ведра ваши в руки, подобно тому как это делает человек (вар. отрок) для владыки своего.

О, *ушебти* этот, сделанный для Н этого, если причислят этого к исполнению его обязанности, освободи там Н этого в качестве человека при его обязанностях. „Вот мы“, — скажете вы.

Если причислят Н этого к тому, что всегда делают для насыпания новых полей, для того, чтобы сделать цветущими поля, чтобы перевозить (через реку) песок с запада на восток и обратно, „Вот мы“, — скажете вы об этом».

Здесь в начале 472 изречения, которое отсутствует во всех известных вариантах 6 и 151 глав Книги мертвых, очень ясно виден магический характер действия: весь его смысл заключается в том, чтобы фигурка *ушебти* превратилась в живое существо для работы за умершего. С каждой фразой заклания, произнесенной во время погребального обряда, *ушебти* наливается жизненной силой, становится живым и способным действовать. Подобная магия превращения фигурок животных и людей в живые одушевленные существа характерна для египетских представлений. Так, в обряде отверзания уст и очей, т. е. в обряде оживления статуи, считалось, что благодаря произнесенным заклинаниям и совершению магического действия происходило превращение статуи в живое существо²⁷. Представление о возможности превращения неодушевленных предметов в живые существа, которые подчиняются приказу создавших их магов, широко распространено в древнеегипетском фольклоре. В одной из сказок папируса Весткар крокодил, сделанный из воска, превращается в настоящего и наказывает по приказу жреца возлюбленного его жены. В сказках Позднего периода об Осирисе и Петубастисе мы также находим фигурки из глины или дерева, оживающие после произнесенных над ними заклинаний. А затем по приказу создавшего их человека (для них

²⁵ См. Spelleers, ук. соч., стр. 22 сл.

²⁶ Wb, III, 394; *hr-ntr*. I. die Totenstadt, die Nekropole. II. das Totenreich in Jenseits; папирус Турин 843 свидетельствует о том, что в *hr-ntr* царил Осирис.

²⁷ См. М. Э. М а т ъ е, Древнеегипетский обряд «отверзания уст и очей», «Вопросы истории религии и атеизма», V, 1958, стр. 344 слл.

господина) они выполняют работу гребцов, носильщиков и т. п.²⁸ Во всех сказках, где говорится о превращении фигурок в живые существа, только упоминается о произносимом для этого заклинании, но ни в одной не приводится его текст. Очевидно, он должен был состоять из двух частей: первая — заклятие фигурке сделаться живой, вторая — приказание выполнить определенную работу, для которой эта фигурка была сотворена. Вполне можно предположить, что начало 472 изречения Текстов саркофагов и было вообще первой частью подобных заклятий. («Смотрите на него, боги...» и т. д. до слов «по приказу богов»). Содержание второй части заклятия изменялось в зависимости от того, для каких работ предназначались сделанные фигурки.

Исходя из того, что в Книге мертвых отражен погребальный ритуал, а Тексты саркофагов непосредственно предшествуют Книге мертвых, можно заключить, что это заклятие произносилось над фигурками *ушебти* во время похоронных обрядов. Так как *ушебти* Среднего царства всегда изображался без орудий в руках, в ТС сказано: «Возьмите себе кирки ваши, мотыги ваши, коромысла ваши, ведра ваши...». И передко в гробницах этого периода находят модели перечисленных орудий. Но когда позднее статуэтки *ушебти* стали делать с орудиями в руках, эта часть изречения 472, так же как и первая, в Книгу мертвых более не включалась.

В 472 изречении Текстов саркофагов имеются еще два очень важных указания: 1) *ушебти* сделан для умершего на тот случай, когда его призовут к выполнению повинностей; 2) *ушебти* отвечает вместо покойного, когда к последнему приходит посланный, чтобы вызвать его на работы.

Сами работы, которые выполняются в загробном царстве, перечислены в последней части заклинания, которое повторяется полностью в Книге мертвых.

И, наконец, из этого же текста на саркофагах можно сделать вывод, что работы в загробном царстве, во владениях Осириса полностью повторяют те повинности, которые выполнялись египтянами на царских землях для царя «в его время»²⁹.

Таким образом, фигурки *ушебти*, появившиеся в эпоху Среднего царства в погребениях египетской знати, представляют собой куколок-помощников, превращавшихся в живых людей при помощи магического заклинания. Они сделаны для того, чтобы заменить покойного и выполнить за него неприятные повинности на полях царства мертвых. Как видно из 151 главы Книги мертвых, *ушебти* помещали в камеру, где находился саркофаг, и при совершении обрядов погребения над мумией и всеми вещами, положенными в гробницу, совершались заклятия и над *ушебти*.

Закливание произносилось жрецом от имени умершего. Именно поэтому в надписях на *ушебти* (в тех случаях, когда на них полностью написана 6 глава Книги мертвых) после имени и звания умершего стоит «говорит он (она)».

До исследования И. М. Лурье (ук. соч., стр. 129) большинство исследователей присваивало имя умершего, написанное на *ушебти*, самой статуэтке. Эта точка зрения повела их по ложному пути и запутала их представление о сущности *ушебти*. *Ушебти* как таковые всегда безымянны, имя, написанное на статуэтке, всегда является именем умершего, а не сотворенной для него магической фигурки. В целом ряде случаев надписи на *ушебти* начинаются именно таким образом: «О *ушебти*, сделанный для имярек», после чего следует текст 6 главы Книги мертвых.

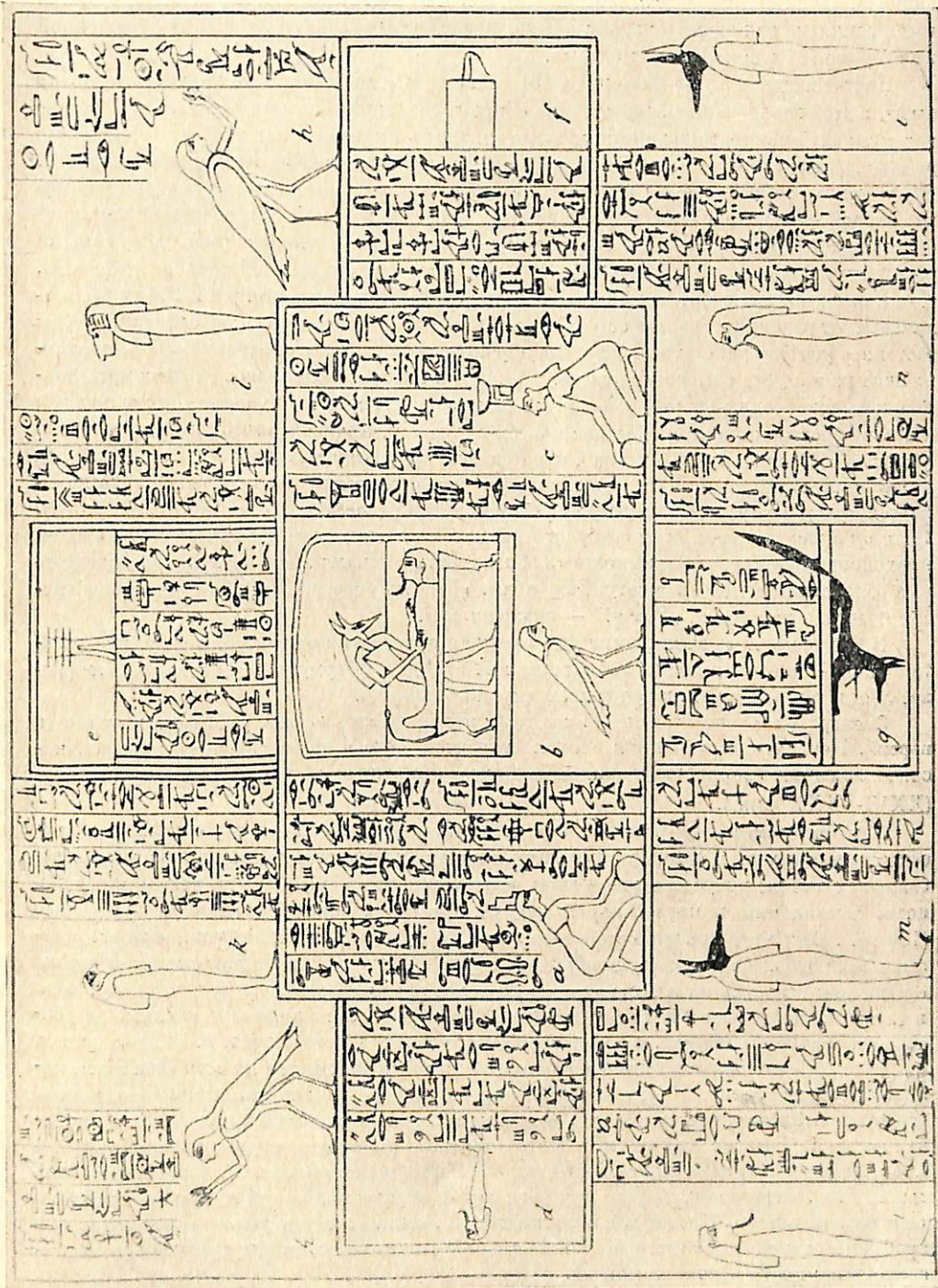
На некоторых *ушебти* изречение вводится выражением *dd mdw N* «говорение слов таким-то», откуда уже совершенно ясно, что имя относится не к фигурке, а к тому, кто произносит заклинание, т. е. к умершему.

Большинство надписей строится по такому образцу: «Да будет просветлен Осирис, жрец бога Амона, Птахмес, сын Мерит. Говорит он (следует текст заклятия 6 главы Книги мертвых)».

Если на *ушебти* написан текст 6 главы, то выражение «говорит он» после имени покойного бывает опущено лишь в редких случаях.

²⁸ См. Ю. П. Францов, Древнеегипетские сказки о верховных жрецах, «Советский фольклор», 2—3, 1935, стр. 159 сл.

²⁹ Здесь я полностью разделяю концепцию О. Д. Берлева, изложенную в его диссертации «Рабы царя в Египте в эпоху Среднего царства» (гл. VI).

Однако текст 6 главы встречается далеко не на всех *ушебти*, часто написано только имя умершего, иногда звание и имя его матери. Однако и в этих случаях имя очевидно не является именем *ушебти*, но умершего, от лица которого жрец должен произнести заклятие над этими фигурками в последней погребальной камере, изображенной на рисунке 151 главы Книги мертвых.

Подтверждение этому находим в 151 главе Книги мертвых. Как уже было сказано выше, в этой главе записаны последние обряды, совершавшиеся в погребальной камере над мумией и сопровождавшими ее вещами. Здесь же происходил обряд оживления *ушебти*. В некоторых списках 151 главы заклятие над *ушебти* повторяется дважды, около каждого изображения *ушебти* (обычно их два — один *ушебти* с головой человека, второй — с головой шакала). Находки *ушебти* в самой погребальной камере³⁰ подтверждают, что изречения 151 главы действительно произносились над самыми реальными фигурками. После обряда они становились способными к действию, т. е. к выполнению работ за покойного. Вариант этого заклинания в 6 и 151 главах отличается от редакции Текстов саркофагов. Шестая глава называется: «Изречение, чтобы заставить *ушебти* работать за человека в *hr-nfr*» и далее прямо следует заклинание, вложенное уже в уста самого умершего. Также и в Текстах саркофагов *ушебти* представлен приказ своего создателя. Заклинание, по-видимому, произносилось жрецом от имени умершего. Поскольку 151 глава является сводом различных изречений, вложенных в уста соответствующих лиц, в ней опущено заглавие, имеющееся в 6 главе. Она начинается сразу с обращения к *ушебти*: «Говорит N: O, *ушебти* этот, сотворенный для N! Если он будет призван, если он будет причислен ко всяческим работам, производимым в загробном царстве, чтобы выполнить обязанности в качестве человека при его ежедневных обязанностях делать цветущими поля, орошать берега, перевозить (по реке) песок с запада на восток, „Вот я!“ — скажешь ты».

В Книге мертвых заклинание уже приняло определенную четкую форму. На *ушебти* начала Нового царства (XVII и ранняя XVIII дин.) формула еще очень разнообразна, иногда сокращенная, в некоторых случаях длинная.

Спелерс, детально исследовав все типы заклятий на *ушебти*, устанавливает шесть версий. Первая, самая ранняя версия относится еще к эпохе Среднего царства, последняя, самая распространенная и наиболее установившаяся, — к Позднему периоду (XXVI—XXX дин.).

Однако, несмотря на различные редакции, смысл надписи, ее характер и основное содержание остаются одинаковыми. Как в начале их появления, так и позже *ушебти* связаны с тем же ритуалом погребения, независимо от надписи на них над ними произносятся заклинания в погребальной камере, где стоит саркофаг с мумией умершего (151 гл.). Они продолжают оставаться теми же куклами-помощниками, которые вместо покойного выполняют все повинности в *hr-nfr*. Заклинание на *ушебти* имеет тот же смысл, как и запись их в Книге мертвых, — все это произносилось жрецами, но, веря в магию слова (и тем более написанного), египтяне закрепляли эти магические действия в свитках папируса, в надписях на статуэтках, на стенах и т. д. Однако запись на *ушебти* не имела решающего значения. Ведь среди множества их есть едва ли не половина совсем без всякой надписи, на многих написано только имя покойного, иногда его звание. Значит, действительно, вся сила магического действия над *ушебти* заключалась не в надписях на них и в Книге мертвых, а в самих погребальных обрядах, в произнесении заклятия над самими статуэтками во время похорон. Срок действия этой магии был безграничен, так же как магические обряды над самой мумией возрождали ее к вечной жизни. Но, веря в силу подобной магии, египтяне тем не менее ставили в гробницы статуи покойного и даже не одну, а несколько, чтобы прочнее обеспечить сохранение места обитания для *ка*.

³⁰ O. Rubenson, und F. Knatz, Berichte über die Ausgrabungen Abusir el Mäläq im Jahre 1903, ZÄS, 41, 1904, стр. 89; A. Erman, Die Religion der Ägypter, B., 1934, стр. 290.

Постепенно число *ушебти* в каждом погребении возрастало³¹, чем богаче был умерший, тем больше делал он для себя *ушебти*. Их складывали в большие ящики и это была уже целая армия работников, предназначенных выполнять за умершего его повинности в загробном царстве. Вполне естественно, что египтяне начинают называть этих «работников» *hm* «раб, слуга» — *hm* как название *ушебти* встречается на ряде их фигурок и так же названы они в 166 главе Книги мертвых и в декрете Несихонсу. При XXI—XXII династиях встречается деление этих «работников»-*ушебти* на десятки (подобно делению *hmw* в реальной жизни), во главе каждой из которых стоял «десятник», изображаемый особой фигуркой, на которой, как, например, на статуэтке из ГМИИ (№ 1693), стояла надпись «старший над десятью людьми»; такая же надпись имеется и на *ушебти* из Гуроба³². Эти «десятники» в отличие от остальных *ушебти* изображаются всегда в одежде живых людей, без орудий труда в руках, но с плетью в одной из них³³. Кроме того, среди *ушебти* встречаются еще фигурки, изображающие главного надсмотрщика *ушебти*, а также писца, ведающего их учетом. На такой фигурке писца, сидящего с развернутым на коленях папирусом, из Музея в Брюсселе стоит цифра 403. Спелерс (ук. соч., стр. 8—9) предложил вполне убедительное объяснение этой цифры: очевидно, было 365 фигурок собственно *ушебти* по одному на каждый день года, 36 фигурок надсмотрщиков, одна — главного надсмотрщика и одна — писца. Гипотезу Спелерса подтверждают как фигурки надсмотрщиков, так и надпись на одном *ушебти* Берлинского музея с указанием дня, когда должен работать этот *ушебти*³⁴.

Таким образом «организация» *ушебти* создана по типу отношений в реальной действительности. Однако сами по себе статуэтки *ушебти* не рабы и не слуги, а куколочки-помощники³⁵, избавляющие умершего от выполнения неприятных повинностей после смерти. Они предназначались для работы в царстве мертвых, в *hr-nfr*, а не в полях блаженных (*sh.t-j3rw*). Этот термин никогда не встречается ни в надписях на самих *ушебти*, ни в 6 и 151 главах Книги мертвых³⁶. Появление *ушебти* вызвано ужасом перед царскими повинностями в реальной жизни³⁷, представление о которых было перенесено на работы в *hr-nfr*, которые считались владениями Осириса. *Ушебти*, магически оживленные статуэтки, выполняли за создавшего их умершего все те повинности для Осириса, которые живые были обязаны осуществлять для фараона на царских землях.

³¹ Rubenson und Knatz, ук. соч., стр. 8.

³² J. Cerný, Organisation of oushebtis, JEA, 34, стр. 121.

³³ Термин *hm* и десятичники-надсмотрщики встречаются только на *ушебти* XXI—XXII династий. Изучению этого вопроса должно быть посвящено специальное исследование, тем более, что система эксплуатации в этот период еще специально никем не изучалась.

³⁴ A. Egmán, ZAS, 44, 1907, стр. 181.

³⁵ Термин «куколочка» по отношению к *ушебти* мы находим уже в ранних изданиях: A. Egmán, Die ägyptische Religion, В., 1909, стр. 160: «man gibt dem Toten solche Puppen, als Ersatzmänner mit und die übernehmen dann anstatt seiner die Arbeit».

³⁶ Эти наблюдения сделаны О. Д. Берлевым в его диссертации. В 6 и 151 главах не встречается также и выражение *sh.t-htr*, которое имеет то же значение, что и *sh.t-j3rw* в 110 главе Книги мертвых. Таким образом, тезис И. М. Лурье (ук. соч.), что *ушебти* работают в полях Иару, не находит подтверждения. Написание самого термина *j3rw* в 166 главе, во всех списках, использованных И. М. Лурье (ук. соч., стр. 125, прим. 1), отличается от написания в 110 главе. Однако из дальнейшего контекста никак нельзя сделать вывод, что *ушебти* из этой главы предназначены для работ именно на полях, пожалованных умершему.

³⁷ Принимая в основном концепцию О. Д. Берлева о причинах появления *ушебти*, я не разделяю его точку зрения на их сущность, высказанную в его диссертации. О. Д. Берлев рассматривает *ушебти*, как рабов особого назначения в рамках древнеегипетских религиозно-магических представлений. Он считает их рабами, тождественными господину, но вместе с тем отличными от него, являющимися его собственностью, за которых он платит мастерам, их изготовляющим. В задачу О. Д. Берлева не входила необходимость изучать этот вопрос в непосредственной связи с погребальным ритуалом. Отсюда и происходит известная нечеткость в его определении характера *ушебти*. Но он совершенно прав, когда подчеркивает, что в социальном плане проблема *ушебти* вовсе не так интересна. И в этом, конечно, его концепция прямо противоположна взглядам И. М. Лурье.

Полное совпадение царских работ с перечислением работ *ушебти* в надписях на них и в Книге мертвых подтверждает этот вывод. Кто же может заменить покойного на работах, которые он сам призван выполнять? Разумеется, не слуга и не раб, так как они ведь не могут заменять господина, выполнять его функции. *Ушебти* и не олицетворение умершего. Ведь во всех заклинаниях ясно сказано, что *ушебти* создана для умершего (или самим умершим), чтобы избавить его от неприятных работ, отвечать вместо него на зов «вот я!». В заклинании говорится не о превращении *ушебти* в умершего, а о превращении в живое существо статуэтки, магической куклы, избавляющей умершего от всех повинностей. И так же как магические куклы в некоторых сказках, не будучи ни рабом или рабыней, ни самим героем сказки, делают за него непосильную работу, так и *ушебти*, не будучи ни рабом, ни самим умершим, повинуются только своему господину, освобождает как магическое существо своего творца от всех работ. То, что *ушебти* — создание самих их владельцев и «оживлялись» жрецами от имени умершего, подтверждает надпись на одном *ушебти*, приведенная А. Эрманом в его труде о египетской религии: «повинуйся тому, кто тебя создал, не слушайся его врагов»³⁸.

Эта сущность *ушебти* со времени их возникновения в эпоху Среднего царства остается в основном неизменной до конца, так же как не меняется сама суть содержания 6 и 151 глав Книги мертвых и надписей на самих статуэтках. Все шесть редакций 6 главы, приведенные Спелерсом (ук. соч.) по существу повторяют один и тот же вид заклęcia; в расширенных вариантах Позднего периода не вносятся никаких новых элементов, просто несколько раз повторяются отдельные части заклинания.

Таким образом, отпадает возможность считать, что материал, собранный И. М. Лурье и Я. Черны для XXI—XXII династий, свидетельствует об изменениях первоначальных представлений об *ушебти*. Применение термина *h*m ничего принципиально нового в этом отношении не вносит.

Вместе с тем собранные в настоящей работе данные свидетельствуют, что *ушебти* во все исторические периоды Египта сохраняют значение только как магические фигурки, выполняющие ненавистные египтянам повинности для царя загробного мира — Осириса. Над ними всегда совершался в гробнице обряд превращения в живое действующее лицо в последней погребальной камере. Там от имени покойного жрец произносил над фигурками заклęcie, содержание которого нам известно из 6 и 151 глав Книги мертвых.

Р. И. Рубинштейн

ON THE NATURE OF THE «USHEBTIS»

by R. I. Rubinshtein

1. Among the objects most commonly found in the mortuary inventory of ancient Egypt are the so-called «ushebtis», statuettes whose function was to perform service obligations, in place of the dead man, in the fields of the nether-world kingdom of Osiris.

2. The first work to appear on the nature and significance of the ushebtis was published in 1864 in one of the oldest of the Egyptology journals (*Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* — Birch). In the century that followed a vast quantity of monographs and articles have been devoted to studying the origin of the ushebtis and their character.

3. Up to the present, however, neither clarity nor unity of conception has been achieved on this question. Basically there are two views regarding the essential nature and sig-

³⁸ А. Ерман, *Die ägyptische Religion*, В., 1924, стр. 278.

nificance of the ushebtis: (1) that they are substitutes for the dead man (proposed by Birch in 1864 and developed later by Borchardt); (2) that they combine two opposite notions, that of the slave-servant and that of the dead man's substitute (proposed by Gardiner in 1906).

4. With some modifications, Gardiner's view has been the prevailing one till now. But I. M. Lurie disputed this view and suggested that the ushebtis are slaves only, that the portrait likeness they bear to the dead man is meant to «deceive» the gods.

5. Studies of the ushebtis have all had one common failing: the problem of the ushebtis is discussed in them without reference to mortuary ritual. Whereas this problem can be solved only in close connection with the rites which were performed at burial and noted down in the Book of the Dead.

6. Two chapters in the Book of the Dead are directly concerned with the ushebtis, the sixth (whose text is often inscribed on the statuettes) and the 151st.

7. The sixth chapter occurs first in the Coffin Texts of the Middle Kingdom (Spell 472); from its content it is clear that this is a magic formula for changing the figurine into a living being. Chapter 151 has been ignored in connection with the ushebti problem, although it has a special interest in that connection. The drawings of this chapter depicts a funerary chamber with a sarcophagus a mummy and other objects, over which the last funeral rites are being performed. Among these objects ushebtis are discernible, and beside them is a full text of the magic formula of chapter 6.

8. From a study of Spell 472, chapter 6 of the Book of the Dead and the funerary ritual as described in chapter 151 it may be concluded that the ushebtis represented assistants who were to be brought to life by means of a magic formula. They are neither the dead person himself, embodied in the ushebti, nor his slaves. The name written on the ushebti is not its own, but the name (sometimes the titles also) of the dead man, which is invoked by the priest in pronouncing the magic formula over the ushebtis in the ultimate mortuary chamber. The object of this ritual was to bring the ushebti figure to life as a magic doll which was to perform all service obligations in the netver-world kingdom of Osiris.

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТЕОКРИТСКИХ НАДПИСЕЙ

(Предварительное сообщение)

Этеокритские надписи неоднократно были объектом изучения, однако по сей день языковая принадлежность этих надписей остается загадочной. Этеокритскими они были названы совершенно условно Уолкером в 1925 г.

Самый ранний их исследователь Р. С. Конвей был склонен считать язык этеокритских надписей индоевропейским¹. Дж. Хаксли предположительно относит их к памятникам культуры догреческого (хетто-лувийского) лингво-этнического субстрата². А priori тезис о хетто-лувийском характере этеокритских памятников может быть выведен из гипотез А. Хойбека, Л. Палмера, Л. А. Гиндина³. С. Девис полагает, что над-

¹ R. S. Conway, The pre-hellenic inscriptions of Praesos, «Annual of the British School», VIII, 1901—1902, стр. 125 сл.; R. S. Conway, A third eteocretan fragment, «Annual of the British School», X, 1903—1904, стр. 115 сл.

² G. Huxley, Crete and the Luwians, Oxf., 1961.

³ L. R. Palmer, Mycenaeans and Minoans. Aegean prehistory in the light of the Linear B tablets, L., 1961; А. Н. Убеck, Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat, Erlangen, 1961; Л. А. Гиндин, Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967.